

Герберт Уэллс

Киппс

История простой души

Перевод с английского
Раисы Облонской

ФТМ

Герберт Уэллс

Киппс

«ФТМ»

1905

Уэллс Г. Д.

Киппс / Г. Д. Уэллс — «ФТМ», 1905

ISBN 978-5-4467-3405-4

Арти Киппс, простой парень, помощник приказчика в мануфактурном магазине, неожиданно узнает, что он внук богатого джентльмена и наследник немалого состояния. Внезапно обретенное богатство открывает Киппсу доступ в высший свет, но, вопреки ожиданиям, это не приносит ему счастья.

ISBN 978-5-4467-3405-4

© Уэллс Г. Д., 1905

© ФТМ, 1905

Содержание

Книга I	5
Глава I	5
1	5
2	8
3	10
4	12
5	14
Глава II	19
1	19
2	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Герберт Уэллс

Киппс

История простой души

Книга I

Первые шаги

Глава I

Лавчонка в Нью-Ромней

1

Пока Киппс не стал совсем взрослым, он не знал, почему у него нет отца с матерью, как у всех мальчиков, а только дядя с тетей. Он едва помнил какое-то иное место, темную комнату, за окном белые дома и женщину, которая разговаривала с кем-то, кого он позабыл, и эта женщина была его мать. Он смутно представлял ее лицо, зато в памяти очень ясно сохранилось белое платье в цветочках и бантиках, подпоясанное жестким кушаком из полосатой ленты. На эти воспоминания неизменно наплывали иные, еще более смутные: кто-то плачет, плачет, и сам он тоже – неведомо почему – начинает плакать. И тут же какой-то мужчина, высоченный и громогласный; и каждый раз после этих слез или до них они, все трое, куда-то едут в поезде, и он подолгу смотрит в окно.

Он знал, хотя едва ли ему об этом когда-нибудь говорили, что задумчивое лицо на выпцветшем дагеротипе в плюшевой с золотом рамке над камином в так называемой гостиной – лицо его матери. Но его туманные воспоминания не становились от этого яснее. С фотографии на него глядела молоденькая девушка – она облокотилась на перила и смотрела испуганно и застенчиво, как всегда бывает, когда позируешь. У нее были выющиеся волосы и совсем юное миловидное лицо – матери такими не бывают. Широкополая шляпа с цветами висела на руке; послушно и напряженно она смотрела на фотографа, видимо, объяснявшего, как ей лучше встать. Хорошенькая и хрупкая, она была совсем иная, чем та, что являлась ему в смутных воспоминаниях, хотя разницу он не мог бы определить. Может быть, все дело в том, что та была старше, или не такая испуганная, или просто по-другому одета...

Ясно только одно: однажды она препоручила его тете и дяде в Нью-Ромней вместе с подробными наставлениями и некоторой суммой денег. Видимо, она не лишена была сословного чувства, сыгравшего впоследствии столь важную роль в жизни Киппса. Она позаботилась, чтобы его отдали не в обыкновенную начальную школу для простонародья, а в частный пансион в Гастингсе – своего рода академию среднего сословия, с особыми головными уборами и некоторыми иными атрибутами привилегированного учебного заведения, к тому же весьма недорогого. Казалось, она жаждала сделать для Киппса все, что в ее силах, даже ценой кое-каких жертв, словно он был из какого-то иного, лучшего теста. Первые год-два после его поступления в пансион она изредка присылала ему денег на карманные расходы. Но лица ее в ту пору он так и не мог вспомнить.

Попал он к дяде и тете, когда они были уже очень немолоды. Они поженились, когда день их жизни клонился к закату или по крайней мере когда полдень был уже далеко позади. Пона-

чалу они лишь неясно проступали на заднем плане его мира, простого мира вещей видимых и осязаемых: стульев и столов, служивших ему и конем и коляской, лестничных перил, кухонных табуретов, шкафчиков, поленьев для камина; были здесь и чайник, и кипы старых газет, и кот, и Главная улица, и задний двор, и поле, до которого в таких маленьких городках рукой подать. Каждый камень на заднем дворе, мшистую стену с плетями вьюнка в углу и мусорный ящик он знал куда лучше, чем иной муж знает лицо своей жены. Укромный уголок под гладильной доской, где в дни, когда судьба была милостива, он с помощью шали сооружал конурку, которая долго оставалась для него центром вселенной; протертые чуть не до дыр местечки на ковре, сучки в стенке кухонного шкафа, лоскутный коврик перед камином – рукоделие дяди – все это наложило глубокий отпечаток на душу мальчика. Лавку он знал хуже: сюда ему ходить запрещалось; однако и с ней он ухитрился познакомиться довольно хорошо.

Дядя и тетя были, так сказать, главными богами этого мирка и, как боги в старину, время от времени наводили в нем порядок рукой деспотичной и карающей несоразмерно с проступками. Увы, за каждой трапезой приходилось подниматься на их олимпийские высоты. Надо было прочесть молитву, ложку и вилку держать, «как принято», то есть наиболее неудобным образом, и даже самое вкусное есть «не слишком поспешно». Стоило только чуть приналечь на еду – и сразу же неприятностей не оберешься; стоило как-нибудь не так взять нож, вилку или ложку – и он тут же получал по рукам от тетки, хотя сам дядя всегда подбирал подливку ножом. А подчас и дядя вдруг выходил из оцепенения и, поднявшись со стула, вынимал трубку из рта и кричал на погруженного в какое-нибудь невинное занятие мальчишку:

– Пропади ты пропадом, негодник! Ты что это делаешь?

Бывало, только заведет Киппс интересный разговор с мальчишками, которые бог весть почему считались «низкого звания» и «неподходящей компанией», как в дверях или в окне появляется тетя и велит ему идти домой. Всякие звуки, даже самые приятные: тихонько побарабанишь по чайному подносу, протрубишь в кулак, или свистнешь в ключ, или зазвонишь, как в колокол, в пустое ведро, – вызывали гнев богов. По оконному стеклу и то пальцем не води, а кажется, что может быть тише! Случалось, правда, те же боги пробуждали в нем и теплые чувства: они приносили ему из лавки поломанные игрушки, ибо среди многого другого в лавке торговали игрушками. Вообще-то лавчонка тщила быть магазином фарфоровых изделий, о чем сообщала вывеска, но на полках ее приютились еще и книги, которые выдавались для чтения и продавались по дешевке, и открытки с видами местных достопримечательностей; тут были и канцелярские товары, и стыдливо выглядывала кое-какая галантерея, а в окнах и по углам виднелись коврики, терракотовые блюда, складные стулья для художников, и две-три рамы для картин, и каминные экраны, и рыболовные снасти, и духовые ружья, и купальные костюмы, и палатки – чего там только не было! И, конечно, мальчишке – от горшка два вершка – нестерпимо хотелось все это потрогать. Однажды тетя дала ему подержать трубу, взяв с него слово, что он не станет в нее трубить, а потом все равно отобрала. А по воскресеньям тетя заставляла его твердить катехизис и какую-нибудь молитву.

Дядя с тетей старели, а он подрастал, не замечая, как они меняются, и, когда уже юношей он наконец пригляделся к ним внимательно, ему стало казаться, что такими они и были всю жизнь: тетушка – тощая, всегда озабоченная, со сбившимся набок чепцом, дядя – солидный, со множеством подбородков, и вечно у него которая-нибудь пуговица не застегнута. Они ни у кого не бывали, и к ним никто не ходил. К соседям и вообще ко всем чужим они относились недоверчиво, сторонясь людей «низкого звания» и презирая «выскочек», а потому, как и положено истинным англичанам, «жили сами по себе». Вполне понятно, что у Киппса-младшего не было товарищей, кроме тех, с кем он подружился, лишь совершив грех неповиновения. А он от природы был человек общительный. Проходя по Главной улице, он непременно здоровался со всеми встречными велосипедистами, а при встрече с юными Куодлингами, стоило няне отвер-

нуться, показывал им язык. Он завел дружбу с Сидом Порником, сыном соседа-галантерейщика, и дружбе этой, правда, с долгими перерывами, суждено было сохраниться на всю жизнь.

Скажу сразу: по мнению Киппса-старшего, галантерейщик Порник был круглый дурак; трезвенник, крикливый методист, вечно распевающий псалмы о том, как он приблизится к Господу, и, насколько мог судить Киппс-младший, ни он сам, ни его домочадцы не отвечали вкусам истых Киппсов, не были достойны их просвещенного общества. Порник в самом деле обладал мощным басом и когда кричал на весь дом: «Эй, Энн, Сиди!» – то безмерно раздражал Киппса-старшего. Впрочем, Киппса-старшего раздражало в нем все: и воскресные богослужения, когда он со всей семьей распевал дома псалмы, и страсть разводить в саду шампиньоны, и то, что с пилястрой, разделявшей их лавки, он обходился как с общей собственностью, и то, что он стучал молотком после обеда, когда Киппс-старший жаждал покоя и отдохновения, и то, как он топал в тяжелых башмаках вверх и вниз по лестнице, не застланной ковром, и то, что у него черная борода, и его попытки завязать добрососедские отношения, и... Да что говорить, решительно все в нем раздражало Киппса-старшего. И больше всего коврик перед входом в лавку Порника. Киппс-старший никогда не выбивал свой коврик, предпочитая не трогать его, чтобы не поднимать пыль. Пытаясь оправдать свое нелепое поведение, он утверждал, будто Порник принимается выбивать свой коврик как раз тогда, когда ветер дует в сторону лавки соседа, и вся пыль летит в дверь к нему, Киппсу! Эти разногласия нередко приводили к громким, яростным перебранкам, а однажды чуть было не кончились дракой, о чем впоследствии Порник, регулярно читавший газету, говорил как о «скандальном происшествии». Надо сказать, что в тот раз он с удивительным проворством скрылся в своей лавке.

Но именно такая ссора и положила начало дружбе Киппса-младшего и Сиды. Однажды мальчики сошлись у ворот; оба не спускали глаз с докторовых коз; поговорили и разошлись во взглядах, какая коза сильнее; Киппс не удержался от замечания, что отец Сиды – «круглый дурак». Сид сказал: ничего подобного. Киппс стоял на своем и сослался на авторитетное мнение дядюшки. Тогда Сид, ни с того ни с сего угрожающе отклоняясь от темы, заявил, что может побороть Киппса одной рукой; Киппс опроверг это утверждение, хотя, признаться, не очень-то уверенно. Сид сказал: а вот увидишь, Киппс ответил: как бы не так; на этом дело, вероятно, и кончилось бы, но, к счастью, их спор услышал предприимчивый сын мясника и настоял на состязании. Он так раззадорил их, что наконец оба застегнулись на все пуговицы, стали лицом к лицу, и началась весьма поучительная битва – закончилась она вничью, когда сын мясника вспомнил, что пора уже отнести миссис Холиер баранину. Следуя указаниям этого турнирного знатока, они пожали друг другу руки в знак примирения. Потом с подозрительно блестящими глазами, покрасневшись от его похвалы («Молодцы, малявки!») и следуя дальнейшим советам, они приложили к своим шеям по холодному камню, уселись рядышком на докторских воротах и стали вспоминать славную битву и зализывать почетные раны, выказывая при этом друг другу всяческое уважение. У обоих шла кровь из носу, у обоих был подбит глаз, и синяк целых три дня одинаково переливался всеми цветами радуги; но ни один не сдался, и, хотя вслух об этом не было сказано ни слова, ни один не стремился к новым сражениям.

Лучшего начала не придумаешь. После этой первой стычки они уже больше никогда не обсуждали друг с другом характеры взрослых родичей и собственные воинские качества, а если им чего и недоставало для полного согласия, они обрели его в совместной нелюбви к старшему отпрыску Куодлингов. Он шепелявил, носил какую-то нелепую соломенную шляпу, и его толстая румяная физиономия так и лучилась самодовольством, он учился в городской школе и носил ранец зеленого сукна – ну что может быть глупее! Они по-всякому обзывали его, кидали в него камнями, а когда он начинал грозить им («Шмотри, Арт Киппш, лучше перештань!»), кидались на него и обращали в бегство.

А потом они разбили голову кукле Энн Порник, и девчонка с громким ревом убежала домой – скверная история, которая, однако, лишь больше сблизила их. Сиды выдрали, но он

уверял, что ничего и не почувствовал, так как очень ловко подложил куда надо газет. А когда Киппс шел мимо лавки, миссис Порник вдруг выглянула из дверей и пригрозила, что и ему влетит по первое число.

2

«Академия Кевендиша», школа, которую избрала для Киппса его исчезнувшая мать (на другую, получше, у нее не хватало денег), помещалась в частном, выдавшем виды доме в наиболее удаленной от моря части Гастингса; она называлась академией для юных джентльменов; родители же многих юных джентльменов жили где-то в «Индии» и иных краях, столь далеких, что проверить это было бы нелегко. Остальные были сыновьями легковых вдов, жаждавших, как и мать Киппса, чтобы их дети получили образование хоть чуточку получше обычного, общедоступного, и при этом за самую низкую плату; кое-кого родители и опекуны посылали сюда, чтобы доказать всему свету свое превосходство над простыми смертными. Ну и, разумеется, там были юные французы.

Глава академии – тощий, долговязый, желчный господин, страдавший несварением желудка, – прозывался Джорджем Гарденом Вудро и состоял членом Фарадеевского общества, как гласили золотые буквы на доске, украшавшей фасад, но это лишь означало, что он уплатил некую сумму за поддельный диплом. Классная комната помещалась в унылом, выбеленном известкой флигеле, о назначении ее свидетельствовали ветхие, изрезанные ножами учеников парты и скамьи, а также вовсе уж не пригодная доска, на которой совсем не видно было мела, когда пишешь, и две пожелтевшие от старости, допотопные карты – Африки и графства Уилтшир, – купленные по дешевке на какой-то распродаже. В кабинете, где мистер Вудро принимал родителей и отвечал на их вопросы, были и другие карты и даже глобусы, но ученики никогда их и в глаза не видели. А в стеклянном шкафу в коридоре хранилось несколько грошевых пробирок, кое-какие химикаты, треножник, стеклянная реторта и испорченная бунзеновская горелка, свидетельствующие о том, что «научная лаборатория», указанная в проспекте, не пустые слова.

Этот проспект, составленный в выражениях высокопарных, но не слишком грамотных, особенно подчеркивал, что академия дает серьезную подготовку к коммерческой деятельности, но, как можно было заключить по одной весьма хитрой фразе, не исключает и службу в армии, флоте и государственных учреждениях. В проспекте весьма уклончиво говорилось об «экзаменационных успехах», хотя Вудро, разумеется, не одобрял «зубрежку», и провозглашалось, что в курс обучения включено «искусство», «современные иностранные языки» и «серьезная техническая и научная подготовка». Далее подчеркивалась забота о «высокой нравственности» учеников и отличная постановка религиозного воспитания, которым «в наши дни столь часто пренебрегают даже в самых знаменитых учебных заведениях». «Ну, уж на эту приманку они клюнут», – заметил мистер Вудро, дописав проспект. И в сочетании с форменным головным убором эта приманка в самом деле пришлась по вкусу тем, на кого была рассчитана. Упоминалась здесь и «материнская» забота миссис Вудро, на самом же деле эта маленькая женщина с неизменно кислой миной держалась в тени и полагала, что следить за стряпней ниже ее достоинства; кончался проспект намеренно туманной фразой: «Питание без ограничений, собственное молоко и прочие продукты».

Киппс на всю жизнь запомнил душливую, спертую атмосферу академии, постоянную путаницу в мыслях, бесконечные часы, которые он отсиживал на скрипучих скамьях, умирая от скуки и безделья; кляксы, которые он слизывал языком, и вкус чернил; книжки, изодранные до того, что в руки взять противно, скользкую поверхность старых-престарых грифельных досок; запомнил, как они тайно играли в камешки и шепотом рассказывали друг другу разные истории; запомнил и щипки, и побои, и тысячи подобных мелких неприятностей, без

которых тут дня не проходило; запомнил, как приходилось стоять посреди класса и терпеть удары, которые обрушивались ни с того ни с сего за воображаемое непослушание; запомнил дни, когда мистер Вудро был не в духе и срывал зло на ком попало; запомнил ничем не занятый ледяной час в ожидании скудного завтрака; страшные головные боли и дикие, ни на что не похожие ощущения, порождаемые особенностями «матерински заботливой», но весьма неумелой стряпни миссис Вудро. А унылые прогулки, когда мальчики шагали парами, в шапочках с квадратным верхом, так пленявших воображение их вдовых мамаш; а безрадостные субботы, когда за окном лил дождь и мальчишки, привыкшие подавлять свои желания и порывы, давали волю злобным выдумкам и не скупилась на злые шутки: случались и бесчестные, позорные драки, которые кончались убогими поражениями и победами; были и жестокие задиры и их жертвы. Киппс особенно преследовал одного трусливого мальчугана, и однажды тот взбунтовался, избил Киппса и отучил его от тиранства.

Он вспоминал, как они спали по трое в одной постели, какой плотный, затхлый дух ударял в нос всякий раз, как они возвращались в класс после десятиминутной беготни по двору или по коридорам; вспоминал и этот двор – сплошь из жидкой грязи, в которой нет-нет да и наткнешься, играя, на острый камень. И еще он вспоминал, как часто они потихоньку сквернословили.

«Воскресенья у нас самые счастливые дни», – твердил родителям своих учеников мистер Вудро, но при этом Киппса не приглашали в свидетели. Для него это были дни томительно пустые, лишённые всякого смысла провалы – ни работы, ни игр; только дважды – рано утром и еще раз, попозже, – походы в таинственную тьму церкви да среди дня кусок пудинга с изюмом. Послеобеденное время посвящалось тайным удовольствиям, в том числе игре под названием «Камера пыток» – немалая роль в ней отводилась козлам отпущения из наиболее презираемых заморышей. Разница между воскресеньем и буднями помогла Киппсу составить суждение о том, что такое Бог и рай. И он инстинктивно избегал более близкого с ними знакомства.

Занятия в академии разнообразились в зависимости от настроения мистера Вудро. Иногда тянулись долгие унылые часы, когда полагалось переписывать прописи, или решать задачи, или постигать тайны счетоводства, а они, заслонясь книгами и тетрадями, украдкой болтали друг с другом, загадывали загадки, играли в камешки, в то время как мистер Вудро застыл за своим столом, ничего не замечая вокруг, уставясь в пространство невидящими глазами. Лицо его то вовсе ничего не выражало, то вдруг проступало на нем какое-то тупое изумление, словно ему с безжалостной ясностью открывалась вся бессмысленность, весь стыд и позор его существования...

В иные часы и дни дипломированного физика обуревала жажда деятельности, он поднимал трепещущий класс и с помощью злых насмешек или тумачков пытался вдолбить им главу Ахенского «Начального курса французского языка», или «Франции и французов», или диалог путешественника с прачкой, или описание оперного театра. Свои познания во французском языке он почерпнул много лет назад в одной частной английской школе и освежал, когда удавалось вырваться на недельку в Дьепп поразвлечься. Иной раз во время урока ему приходило на память какое-либо сомнительное похождение той поры, и он вдруг начинал хихикать и бормотать по-французски что-то уж вовсе не понятное мальчикам.

Чаще всего он приказывал им заучивать наизусть бесконечные страницы из «Поэтического альманаха» и поручал кому-нибудь из старших учеников проверять всех остальных; не забывал он и о чтении Библии, стих за стихом – это вам не какая-нибудь новомодная безбожная школа! – и можно было, высчитав, какой тебе достанется стих, преспокойно болтать с соседом; а иногда ученики читали вслух из краткой «Истории Англии». Кроме того, они проходили, как сообщал Киппс дяде и тете, пропасть сколько глав из катехизиса. Заучивали также тьму географических названий, и иногда в приливе энергии мистер Вудро даже требовал, чтобы ученик отыскал эти названия на карте. А один раз, всего только один раз, состоялся урок химии, кото-

рый привел их всех в неопишное возбуждение: причудливые стеклянные посудины, запах, точно разбило тухлое яйцо, что-то где-то кипит и булькает – и вдруг со звоном лопнуло стекло, класс наполнился зловонием, мистер Вудро отчетливо произнес: «О черт!» – и потом они с наслаждением обсуждали все это в спальне. По этому случаю всю школу с чрезвычайной суровостью лишили прогулки...

Но в серой чреде воспоминаний попадались редкие проблески – вакации, его, Киппса, праздники, когда, несмотря на междоусобицу старших, он старался проводить как можно больше времени с Сидом Порником, сыном вздорного чернобородого соседа-галантерейщика. Казалось, это воспоминания из другого мира. То были восхитительные дни. Приятели слонялись по отлогому морскому берегу, осаждали сдающиеся без боя башни Мартелло, с неизбывным любопытством взирали на полные тайн ветряные мельницы и их неутомимо вертящиеся крылья, доходили до самого Дандженесского маяка, всю дорогу ощущая под ногами гладкую, податливую гальку. Миновав большой камень, они превращались в вооруженных до зубов контрабандистов: они бродили по заросшим тростником болотам, совершали далекие походы – до самого Хайта, где не смолкал пулеметный лай, до Райа и Уинчелси, которые примостились на пологих холмах, точно сказочные города. В дни летних каникул небеса были сияющие и бездонные, а зимой сливались с бурным морем; бывали и кораблекрушения, да, самые настоящие: неподалеку от Димчерча они набрали на черный гниющий остов одномачтового рыбачьего суденышка – море поглотило всю команду и, точно пустую корзинку, выбросило его на берег; мальчишки нагишом купались в море, заходя по самые подмышки, и даже пытались плыть, отдавшись теплым волнам (несмотря на тетушкин запрет); а иногда (с ее разрешения) брали с собой какую-нибудь домашнюю снедь и обедали за несколько миль от дома. Чаще всего в пакете оказывались хлеб и холодный пудинг из молотого риса со сливами – что может быть вкуснее?! И за всем этим стояла не гнусная фигура придиры и мучителя Вудро, а тетка – тощая, но, в общем, добродушная (она хоть и донимала по воскресеньям катехизисом, зато позволяла уходить на весь день, прихватив с собой вместо обеда пудинг), и дядя – тучный, вспыльчивый, но всему предпочитающий покойное кресло, так что он, в общем, не мешал. А главное – свобода!

Да, вакации, разумеется, были совсем не то, что учение. Они несли с собой свободу, простор душе и телу, и хоть сам он этого не понимал, в них присутствовала красота. Когда он вспоминал эти годы, вакации сверкали, точно окна цветного стекла на унылом однообразии школьных стен, и чем старше он становился, тем ярче они сияли в памяти. В конце концов пришло время, когда он стал вспоминать те дни с нежностью, чуть не со слезами.

Последнее из этих окон запомнилось ярче всего – в нем не было того разнообразия и пестроты, что в предыдущих, его озарил лишь один сияющий образ. Ибо как раз перед тем, как Киппсом завладел Молох Розничной Торговли, он сделал первые робкие шаги в таинственной стране Любви. Шаги поистине очень робкие, ибо мальчик привык подавлять свои чувства, бурные порывы и страсти еще дремали на дне его души.

Предметом его первых волнений оказалась та самая Энн Порник, чьей кукле они с Сидом, вволю повеселившись, оторвали голову много лет назад, в дни, когда Киппс еще не понимал, что за штука человеческое сердце.

3

Но еще до того, как Киппс заметил огоньки, что мерцали в глубине глаз Энн Порник, дядя решил определить племянника по мануфактурной части и начал соответствующие переговоры. Школа осталась позади окончательно и бесповоротно. И это сейчас было самое главное. Стояло жаркое лето. Расставание со школой отпраздновали шумно и весело, и, забываясь о своем добром имени, Киппс свято выполнил превосходное правило – на прощание платить

долги. Всем своим врагам он надавал тумачков, повыворачивал руки и наподдал по ногам; тем же, кто с ним дружил, он раздал свои неоконченные тетради, все учебники, коллекцию камешков и форменный головной убор и на последних страницах их книг тайком написал: «Помни Арти Киппса». Потом он сломал жиденькую тросточку Вудро, всюду, где только мог, вырезал перочинным ножиком свое имя и разбил окно в буфетной. Он так упорно твердил всем и каждому об ожидающей его карьере морского капитана, что уже и сам почти верил в это. И вот наконец он дома и больше никогда в жизни не вернется в школу.

В первый день он поднялся чуть свет, выскочил на залитый солнцем двор и трижды пронзительно свистнул – этот особенный тройной свист неизвестно почему ученики академии, а также и они с Сидом считали военным кличем гуронов. Но, вспомнив о вражде дяди с мистером Порником, спохватился и сделал вид, будто вовсе и не свистел, а с почтительным восхищением взирает на новую секцию мусорного ящика, пристроенную дядей. Впрочем, его невинному виду не поверил бы и грудной младенец.

Через минуту из угодий Порников прозвучал ответный клич. И Киппс запел: «В полдевятого ля-ля жди за церковью меня». И кто-то невидимый пропел в ответ: «В полдевятого ля-ля жду за церковью тебя». Предполагалось, что «ля-ля» делает песенку непонятной для непосвященных. Чтобы еще больше замаскировать сговор, оба участника этого дуэта вновь издали воинственный клич гуронов, надолго задержавшись на последней, самой пронзительной ноте, и разошлись в разные стороны, чтобы, как и положено мальчишкам на отдыхе, начать веселый день.

В половине девятого Киппс сидел за церковью на освещенной солнцем калитке у начала длинной тропки, ведущей к морю; он неторопливо отбивал такт башмаком и с чувством высвистывал какую-то душещипательную песенку, вернее, те клочки ее, которые знал на память. В это время из-за церкви показалась девочка в коротком платье, темноволосая, синеглазая, с нежным румянцем. Она так вытянулась, что стала даже чуть выше Киппса, и очень похорошела. Вообще с последних вакаций она так переменилась, что Киппс едва узнал ее. Да и видел ли он ее в последний раз?.. Он вовсе этого не помнил.

Увидев ее, он ощутил какое-то смутное беспокойство. Он перестал свистеть и, странно смущенный, молча на нее уставился.

– Ему нельзя прийти, – объявила Энн, храбро подходя ближе. – Покамест нельзя.

– Чего? Это ты про Сиду?

– Ага. Папаша наказал ему перетереть все коробки.

– Для чего это?

– А кто его знает. Папаша сегодня сердитый.

– Вон что!

Помолчали. Киппс взглянул на нее и больше уже не смел поднять глаз. А она с любопытством его разглядывала.

– Ты уже отучился? – спросила она немного погодя.

– Ага.

– И Сид тоже.

Беседа оборвалась. Энн взялась за край калитки и принялась раз за разом подпрыгивать на одном месте – это было что-то вроде неумелой гимнастики.

– А наперегонки умеешь? – спросила она.

– Уж тебя-то запросто обгоню, – ответил Киппс.

– Дашь мне фору?

– Докуда? – спросил Киппс.

Энн подумала немного и показала пальцем на дерево. Подошла к нему и обернулась.

– Досюда, ладно?

Киппс, который к этому времени слез с калитки, снисходительно улыбнулся.

– Дальше!

– Досюда?

– Давай еще чуток, – сказал Киппс, но тотчас пожалел о своем великодушии и с криком «Пошли!» рванулся с места, разом нагнал упущенное.

Они подбежали к финишу одновременно – оба покраснели и тяжело дышали.

– Ничья! – сказала Энн и рукой отбросила волосы со лба.

– Моя взяла, – задыхаясь, вымолвил Киппс.

Они решительно, но вполне вежливо заспорили.

– Бежим еще раз, – предложил Киппс. – Хочешь?

Они вернулись к калитке.

– А ты ничего, можешь, – снисходительно заметил восхищенный Киппс. – Я ведь здорово бегаю.

Привычно мотнув головой, Энн отбросила волосы назад.

– Ты ж ведь дал мне фору, – признала она.

И тут они увидели Сиду.

– Смотри, малявка, влетит тебе, – сказал Сид сестре с истинно братской недоброжелательностью. – Ты пропадаешь целых полчаса. В комнатах не прибрано. Папаша не знает, куда ты запропастилась, говорит: как явится, надеру ей уши.

Энн собралась уходить.

– А как же гонки? – спросил Киппс.

– Ух ты! – воскликнул изумленный Сид. – Да неужто ты с ней бегаешь наперегонки?

Энн раскачалась на калитке, не сводя глаз с Киппса, потом вдруг отвернулась и кинулась бежать по тропинке. Киппс проводил ее взглядом и нехотя обернулся к Сиду.

– Я дал ей большущую фору, – сказал он виновато. – Это не настоящие гонки.

Больше они об этом не говорили. Но минуту-другую Киппс был какой-то рассеянный, и в душе у него началось что-то неладное.

4

Они стали обсуждать, как истым гурунам надлежит наилучшим образом провести утро. Путь их, несомненно, лежал к морю.

– Там еще один затонул – выбросило новые обломки, – сказал Сид. – Ух! И воняют же!

– Воняют?

– Прямо тошнит. Там гнилая пшеница.

Они шли и говорили о кораблекрушениях, потом принялись рассуждать о броненосцах, войнах и о многом другом, достойном внимания настоящих мужчин. Но на полпути Киппс вдруг ни с того ни с сего заметил небрежно:

– А твоя сестра ничего девчонка.

– Я ее поколачиваю, – скромно ответил Сид.

И, помолчав, они снова заговорили о более интересных предметах.

Выброшенная на берег посудина была и вправду полна гниющего зерна и распространяла ужасающее зловоние. Восхитительно! И все это принадлежит только им. По предложению Сиды они взяли судно с боем, и теперь надо было спешно защищать его от несметных полчищ воображаемых «туземцев», которых в конце концов удалось отогнать, оглушительно вопя «бом-бом» и отчаянно размахивая и тыча в воздух палками. Вслед за тем, опять же по команде Сиды, они врезались в соединенный франко-германо-русский флот, наголову разбили его без чьей-либо помощи, потом пристали к берегу, вскарабкались по крутому откосу, ловким маневром отрезали собственный корабль; потом, крича что есть мочи, изобразили бурю, потерпели

отличное кораблекрушение и, «полузатопленные» – этого требовал Сид, – оказались посреди угомонившегося моря.

Все эти события на время вытеснили Энн из головы Киппса. Но когда без воды и пищи, застигнутые штилем, они дрейфовали, затерянные посреди океанских просторов, и, положив подбородки на скрещенные руки, воспаленными глазами озирали горизонт в тщетной надежде на спасительный парус, он вдруг опять о ней вспомнил.

– А хорошо, когда есть сестра, – заметил этот терпящий бедствие моряк.

Сид обернулся и задумчиво на него посмотрел.

– Ну нет! – сказал он.

– Нет?

– Вот уж ничуть.

Он доверительно улыбнулся.

– Девчонки во все суют нос, – сказал он и прибавил: – Ну прямо во все.

И он вновь принялся мрачно оглядывать пустынные морские дали. Но вот он энергично сплюнул сквозь зубы – он считал, что именно так положено сплевывать настоящим морским волкам, жующим табак, – и сказал:

– Сестры что? С ними одна морока. Вот девчонки – дело другое, а сестры...

– А разве сестры не девчонки?

– Ну нет! – с невыразимым презрением произнес Сид.

И Киппс поспешно поправился:

– То есть, конечно, я не про то... Совсем я не про это.

– А у тебя есть девчонка? – спросил Сид и опять ловко сплюнул.

Пришлось Киппсу признаться, что девчонки у него нет. Правда, это было очень обидно.

– Спорим, Арт Киппс, ты ни в жизнь не угадаешь, кто моя девчонка!

– А кто? – спросил Киппс, чувствуя, что сам он обделен судьбой.

Сид только усмехнулся.

Выждав минуту, Киппс спросил, как это от него и требовалось:

– Ну кто? Скажи! Кто?

Сид в упор посмотрел на него и еще помедлил.

– А ты никому не скажешь?

– Могила.

– Клянешься?

– Помереть мне на этом месте!

Как ни был Киппс занят собственными переживаниями, в нем пробудилось любопытство.

Сид потребовал с него ужасную клятву.

Потом медленно, постепенно стал раскрывать свою тайну.

– Начинается с мэ, – начал он загадочно.

– М-о-д, – неторопливо называл он букву за буквой, сурово глядя на Киппса. – Ч-а-р-т-е-р-и-з.

Эта Мод Чартериз была особа восемнадцати лет от роду, дочь священника в приходе Св. Бэйвона да к тому же обладательница велосипеда, так что едва Киппс понял, о ком речь, лицо его почтительно вытянулось.

– Брось, – недоверчиво выдохнул он. – Ты заливаешь, Сид Порник.

– Провалиться мне на этом месте! – решительно возразил Сид.

– Не врешь?

– Не вру.

Киппс заглянул ему в глаза.

– Честное-пречестное?

Сид постучал по дереву, свистнул и произнес самую страшную клятву:

– Эне-бене-рас! Лопни мой глаз!

Весь мир предстал перед Киппсом, который все еще не мог справиться с изумлением, в совсем новом свете.

– И... и она знает?

Сид покраснел до корней волос, лицо у него стало печальное и строгое. Он вновь задумчиво уставился на сияющее под солнцем море.

– Я готов за нее помереть, Арт Киппс, – сказал он, помолчав.

И Киппс не стал повторять свой вопрос, он был явно неуместен.

– Я все для нее сделаю, чего ни попросит, – продолжал Сид и поглядел Киппсу прямо в глаза, – ну все на свете. Скажет кинуться в море – кинусь.

Каждый углубился в свои мысли, и некоторое время они молчали, потом Сид пустился в рассуждения о любви, о которой Киппс уже втайне тоже подумывал, но еще никогда не слышал, чтобы об этом говорили друг с другом всерьез, вот так, среди бела дня. Конечно, в заведении Вудро втихомолку происходил обмен опытом, обсуждались многие стороны жизни, но о любви романтической там речи не было. Сид, наделенный богатым воображением, заговорив о любви, открыл Киппсу свое сердце, или по крайней мере новый уголок своего сердца, не требуя при этом от Киппса ответных признаний. Он вытащил из кармана затрепанную книжицу, которая способствовала пробуждению его романтических чувств; протянул ее Киппсу и признался, что в ней есть один герой, баронет, ну прямо его собственная копия. Этот баронет – человек бурных страстей, которые он скрывает под маской «ледяного цинизма». Самое большее, что он себе позволяет, – это скрежетать зубами; тут Киппс заметил, что Сид тоже не чужд этой привычки и уж, во всяком случае, сегодня скрежещет зубами все утро. Некоторое время они читали, потом Сид снова заговорил. На его взгляд, любовь состоит из преданности и жарких схваток, и все это с привкусом тайны, а Киппс слушал, и ему мерещилось залитое румянцем лицо и прядь волос, которую то и дело отбрасывали назад.

Так они мужали, сидя на грязных обломках старого корабля, на котором жили и погибли люди, они сидели там, глядя на море, раскинувшееся перед ними, и болтали об иной стихии, по которой им предстояло пуститься вплавь.

Разговор оборвался. Сид взялся за книгу, а Киппс, который не поспевал за ним и не хотел признаваться, что читает медленнее Сиды, окончившего самую обыкновенную начальную школу, отдался своим мыслям.

– Хорошо бы у меня была девушка, – вздохнул Киппс. – Ну, просто чтоб разговаривать и все такое...

От этого запутанного предмета их отвлек плывущий по морю мешок. Они покинули остов потерпевшей крушение посуды и добрую милю следовали за ним по берегу, осыпая его камнями, пока мешок наконец не прибило к берегу. Они ждали чего-то таинственного, необычайного, а в нем оказался всего-навсегодохлый котенок, – это, знаете ли, уж слишком даже для них!

Наконец они вспомнили про обед, который ждал их дома, и голодные, задумчивые зашагали рядышком назад.

5

Но утренний разговор о любви разжег воображение Киппса, и, когда после обеда он встретил Энн Порник на Главной улице, его «Привет!» прозвучал совсем иначе, чем прежде. Через несколько шагов оба они обернулись и поймали на этом друг друга. Да, ему очень, очень хотелось обзавестись подружкой...

Однако потом его отвлек ползущий по улице тягач, а на ужин тетушка подала восхитительную рыбку. Но когда он улегся в постель, его вдруг вновь подхватил могучий поток чувств, и, спрятав голову под подушку, он стал тихонько шептать: «Я люблю Энн Порник», – точно клялся в верности.

Во сне он бегал с Энн наперегонки, и они жили вдвоем в выброшенном на берег корабле, и всегда она виделась ему раскрасневшаяся, и на лоб падали непослушные волосы. Они просто жили вместе в выброшенном на берег корабле, и бегали наперегонки, и очень-очень любили друг друга. И всему на свете предпочитали шоколадный горошек, финики, что продают с лотка, и еще рыбешку, жареную рыбешку...

Утром, проснувшись, он услышал, как она поет в пристройке за кухней. Полежал, послушал и понял, что должен ей открыться.

Когда за вечерело, они случайно встретились у калитки, что рядом с церковью, и хоть Киппс мог бы сказать ей так много, он не отважился вымолвить ни слова, пока, набегавшись до изнеможения за майскими жуками, они не уселись снова на свою калитку. Энн сидела прямая, неподвижная – темный силуэт на фоне багряно-пурпурного неба, – не сводя глаз с Киппса. Оба затихли, замерли, и тогда Киппс вдруг решился поведать ей о своей любви.

– Энн, – сказал он. – Ты мне правда нравишься. Вот если б ты была моей подружкой... Слышишь, Энн? Будешь моей подружкой?

Энн не стала притворяться удивленной, поглядела на Киппса, подумала и сказала небрежно:

– Ну что ж, Арти. Я не против.

– Вот и хорошо, – задыхаясь от волнения, сказал Киппс, – значит, уговорились.

– Вот и хорошо, – сказала Энн.

Казалось, что-то стало между ними, теперь ни тот, ни другая не решались поднять глаз.

– Ой! – вдруг закричала Энн. – Гляди, какой красавчик! – И, спрыгнув с калитки, кинулась за майским жуком, который прожужжал у нее перед носом. И они снова стали просто-напросто мальчишкой и девчонкой...

Они старательно избегали переходить на новые отношения. Несколько дней ни о чем таком не заговаривали, хотя виделись дважды. Оба чувствовали, что им предстоит совершить что-то еще, прежде чем это знаменательное событие станет явью, но ни один из них не осмеливался сделать следующий шаг. Болтая с нею, Киппс перескакивал с одного на другое, но больше всего рассказывал о великих приготовлениях, которые должны были сделать его настоящим мужчиной и торговцем мануфактурой: ему справили две пары брюк, и черный сюртук, и четыре новые сорочки. Но при этом разыгравшееся воображение толкало его сделать сей неведомый шаг, а когда он оставался один и гасил огонь, то превращался в весьма предприимчивого поклонника. Хорошо бы взять Энн за руку – даже вполне добропорядочные книжицы, которые так высоко ставил Сид, толкали его на это проявление близости.

И наконец Киппса осенило: он вспомнил газетную заметку под названием «Любовные сувениры», которая попала ему как-то в обрывке «Пикантных новостей». Разломать пополам шестипенсовик – вот что он придумал, на это у него как раз хватит мужества. Он раздобыл лучшие тетушкины ножницы, выудил ими шестипенсовик из своей почти пустой жестяной копилки и поранил палец, пытаясь разрезать монету пополам. Но как ни старался, когда они с Энн снова встретились, шестипенсовик по-прежнему был целехонек. Киппс еще не скоро собрался бы что-нибудь ей сказать, но это получилось само собой. Он попытался объяснить ей вещий смысл разломанного шестипенсовика и неожиданную неудачу, которая его постигла.

– А для чего ломать? – спросила Энн. – На что он нужен сломанный?

– Это сувенир, – ответил Киппс.

– Как это?

– Ну, просто половинка будет у тебя, а половинка у меня, и когда мы расстанемся, я буду глядеть на свою половинку, а ты на свою, понимаешь? И будем вспоминать друг о друге.

– Ишь ты!

Похоже, что Энн все поняла.

– Только мне никак его не разломить, – сказал Киппс.

Они обсудили эту неожиданную помеху, но ничего не могли придумать. И вдруг Энн осенила догадка.

– А я знаю! – сказала она и чуть коснулась его локтя. – Дай-ка мне монету, Арти. Я знаю, где у папаши напильник.

Киппс вручил ей шестипенсовик, и они смолкли.

– Я это мигом, – сказала Энн.

Стоя рядышком, они разглядывали монетку, голова Киппса почти касалась щеки Энн. И вдруг что-то его толкнуло на следующий шаг в неведомую страну любви.

– Энн, – сказал он и судорожно глотнул, испуганный собственной храбростью, – я очень тебя люблю. Правда. Я все для тебя сделаю, Энн. Вот ей-богу!

Он совсем задохнулся и умолк. Энн не отвечала, но слушала с явным удовольствием. Он придвинулся совсем близко, коснулся ее плечом.

– Энн, я... ты...

И опять замолчал.

– Ну? – спросила Энн.

– Энн... можно я тебя поцелую?

Сказал – и сам испугался. Голос его прозвучал робко, внутри все похолодело, он уже и сам не верил в то, что говорил. Поистине Киппс был не из тех сердцеедов, что умеют повелевать.

Энн рассудила, что ей еще рано целоваться. Целоваться глупо, заявила она, а когда Киппс проявил запоздалую предприимчивость, отскочила подальше. Он заспорил. Стоя поодаль от нее – теперь их разделял чуть ли не ярд, – он убеждал ее: дай поцелую, ну что тебе стоит и что тебе за радость быть моей подружкой, если тебя и поцеловать нельзя...

Она повторила, что целоваться глупо. Между ними пробежал холодок, и они двинулись к дому. На сумеречную Главную улицу они вступили не то чтобы вместе, но и не врозь. Они так и не поцеловались, но все равно оба чувствовали себя виноватыми. На пороге лавки Киппс завидел внушительную фигуру дяди, невольно замедлил шаги, и расстояние между ним и Энн увеличилось. Окно над лавкой Порников было растворено – миссис Порник наслаждалась вечерней прохладой. Киппс прошествовал мимо с самым невинным видом. И чуть не уткнулся в пуговицы жилета на солидном дядюшкином брюшке.

– Откуда держишь путь, сынок?

– Я гулял, дядя.

– Неужто с отродьем Порника?

– С кем?

– Вон с той девчонкой. – И дядя ткнул трубкой в сторону Энн.

– Что вы, дядя! – нетвердым голосом возразил племянник.

– Шагай домой, парень. – Киппс-старший посторонился, глянул искоса на отворенное окно, а племянник неловко прошмыгнул мимо него и скрылся в темной глубине лавчонки.

Тревожно задребезжал колокольчик – дверь в лавку закрылась за Киппсом-старшим; он стал зажигать единственную керосиновую лампу, освещающую лавку по вечерам. Дело это требовало осторожности и внимания, не то фитиль разом вспыхивал и начинал коптить. Несмотря на все предосторожности, это случалось часто. Гостиная, где сумерничала тетка, почему-то показалась Киппсу-младшему слишком людной, и он поплелся к себе наверх.

«Отродье Порника!» Ему казалось, что произошла ужасная катастрофа. Словами «Что вы!..» он поставил себя на одну доску с дядей, этого уже не исправишь, он навсегда отрезал

себе дорогу к Энн. За ужином мальчик был так явно угнетен, что тетя спросила, уж не заболел ли он slučajем. Испугавшись, что ему прикажут глотать какое-нибудь снадобье, он стал сразу неестественно весел...

Улегшись в постель, он добрых полчаса лежал без сна и тяжело вздыхал – плохо дело, хуже некуда, Энн не позволила себя поцеловать, да еще дядя обозвал ее отродьем. Ведь это почти все равно, что он сам так ее обозвал.

Энн стала совершенно недосыгаема. Прошел день, другой, третий, а Киппс все не видел ее. С Сидом они встречались за эти дни несколько раз; ходили на рыбалку, дважды купались, но хотя он за это время взял у Сиды, прочитал и вернул две книжки про любовь, они больше о любви не говорили. Однако вкусы у них по-прежнему были общие, и больше всего обоим нравилась история, сентиментальная до невозможности. Киппсу все время хотелось заговорить об Энн, да смелости не хватало. В воскресенье вечером он видел, как она отправилась в церковь. В воскресном платье она была еще красивее, но она шла с матерью и потому сделала вид, будто не замечает его. Он же решил, что она просто навсегда отвернулась от него. Отродье! Да этого никто вовеки не простит. Он предался отчаянию, он даже перестал бродить по местам, где можно было ее встретить...

И тут словно гром грянул среди ясного неба – всему настал конец.

Мистер Шелфорд, владелец мануфактурного магазина в Фолкстоне, к которому его определили «в мальчики», выразил желание «малость натаскать парнишку» перед началом осенних распродаж. Киппс обнаружил, что тетка укладывает его пожитки, и в вечер накануне отъезда осознал во всей непоправимости, что произошло. Ему до смерти захотелось еще хоть раз увидеть Энн. Под самыми нелепыми и никому не нужными предложениями он то и дело выбегал во двор, трижды уже без всякого предлога переходил на противоположную сторону улицы, чтобы заглянуть в окна Порников. Но Энн как сквозь землю провалилась. Отчаяние овладело им. За полчаса до отъезда он наткнулся на Сиду.

– Привет! – крикнул он. – Уезжаю!

– Поступаешь на службу?

– Ага.

Помолчали.

– Слушай, Сид. Ты скоро домой?

– Прямо сейчас.

– Знаешь что... Спроси Энн, как насчет того...

– Чего?

– Она знает.

Сид пообещал спросить. Но и это, видно, не помогло: Энн не показывалась.

Наконец по улице загромыхал фолкстонский омнибус, и Киппс взобрался наверх. Тетя вышла на порог пожелать Киппсу счастливого пути. Дядя помог ему вынести сундучок и чемодан. Лишь украдкой удалось ему взглянуть на окна Порников, но, видно, сердце Энн ожесточилось и не хочет она его видеть.

– Отправляемся! – объявил кучер, и копыта зацокали по мостовой. Нет, она не выйдет даже проводить его. Омнибус двинулся, дядя пошел обратно в лавку. Киппс неподвижным взором уставился перед собой, уверяя себя, что ему все равно.

Вдруг позади хлопнула дверь, он круто обернулся, вытянул шею. Этот стук был ему так хорошо знаком. Вот оно! Из лавки галантерейщика выбежала маленькая растрепанная фигурка в домашнем розовом платье и пустилась догонять омнибус. И вот она уже рядом. Сердце Киппса бешено заколотилось, но он и не поглядел в ее сторону.

– Арти! – запыхавшись, крикнула Энн. – Арти! Арти! Слушай! Я его разломила!

Омнибус покатиł быстрее, обгоняя Энн, и тут только Киппс понял, о чем она. Он сразу встрепенулся, судорожно глотнул и, собрав все свое мужество, заплетающимся языком попро-

сил кучера «остановить на минуточку, дело есть». Кучер заворчал, – как солидному человеку не поворчать на мальчишку! – но все же придержал лошадей; и вот Энн рядом.

Она вскочила на колесо. Киппс нагнулся и поглядел ей в лицо – сверху оно казалось совсем маленьким и очень решительным. Их руки встретились, и на мгновение они заглянули друг другу в глаза. Киппс не умел читать по глазам. Что-то быстро скользнуло из руки в руку, что-то такое, чего не удалось разглядеть кучеру, искоса наблюдавшему за ними. Киппс не сумел вымолвить ни слова, а Энн только сказала:

– Я его нынче утром разломил.

Мгновение это было словно чистый лист, на котором надо было написать что-то очень важное; но оно так и осталось ненаписанным. Энн прыгнула, и омнибус покатиł прочь.

Только секунд через десять Киппс спохватился, вскочил и принялся махать ей своим новым котелком и хрипло, срывающимся голосом крикнул:

– До свидания, Энн!.. Помни обо мне... Не забывай!

Она стояла посреди дороги, глядела ему вслед, потом помахала рукой.

Он тоже стоял, покачиваясь, лицом к ней, пунцовый, с блестящими глазами, ветер взъерошил ему волосы, а он все махал и махал котелком, пока Энн не скрылась за поворотом. Тогда только он повернулся, сел на свое место и спрятал в карман брюк половинку шестипенсовика, зажатую в руке. И украдкой покосился на кучера: видел ли он что-нибудь?

А потом углубился в размышления. И решил, что когда на рождество вернется в Нью-Ромней, будь что будет, а он непременно поцелует Энн. Вот тогда все пойдет как полагается, и это будет самое настоящее счастье.

Глава II

Мануфактурный магазин

1

Когда, прихватив с собой желтый жестяной сундучок, маленький чемоданчик, новый зонт и подаренную на память половинку шестипенсовика, Киппс покинул Нью-Ромней, чтобы стать продавцом мануфактуры, ему исполнилось четырнадцать лет; это был худенький подросток с забавным хохолком на макушке и мелкими чертами лица, с глазами то светлыми, то вдруг темневшими – способность, унаследованная от родителей; говорил он невнятно, в мыслях его царила страшная путаница, держался он скованно и робко – таким уж его воспитали. Неумолимая Судьба послала его служить отечеству на поприще коммерции; и та же чисто английская склонность к частному предпринимательству и стремление худо ли, хорошо ли вершить свои дела самому, которые обрекли Киппса на пребывание в частном заведении мистера Вудро, ныне отдала его во власть владельца крупнейшего в Фолкстоне мануфактурного магазина мистера Шелфорда. Ученичество – и поныне признанный английский путь к служению на сей обширной общественной ниве. Если бы мистеру Киппсу выпало несчастье родиться в Германии, он мог бы получить образование в дорогостоящем специальном учебном заведении, где его основательно и всесторонне подготовили бы к этой деятельности, – такова немецкая педагогическая система («больно образованные» – наберутся там всякого, говаривал Киппс-старший). Он мог бы... Но зачем развивать в романе мысли столь непатриотичные? Во всяком случае, мистер Шелфорд был отнюдь не педагог.

То был вспыльчивый, неумолимый человек, ходил он, заложив волосатые руки за спину, под фалды сюртука, лысая яйцевидная голова так и сияла, орлиный нос слегка кривился на сторону, холеная борода вызывающе торчала. Походка у него была легкая, подпрыгивающая, и он вечно что-то мурлыкал себе под нос. Он обладал редкостной деловой хваткой, а к тому же однажды весьма умело и выгодно обанкротился и с умом выбрал себе жену. Его заведение было одно из самых крупных в Фолкстоне, фасады домов, где размещались его магазины, он велел раскрасить зелеными и желтыми полосами. Магазины занимали дома под номерами 3, 5 и 7, а на бланках значилось 3–7.

Смущенному, исполненному благоговения Киппсу он первым делом стал расписывать свою систему и себя самого. Он развалился в кресле за письменным столом и, взявшись за лацкан сюртука, произнес небольшую речь.

– Твое дело – работать справно, свято блюсти наш интерес, – важно произнес мистер Шелфорд, говоря о себе во множественном числе, как это принято у особ королевской крови и у коммерсантов. – Наша система – первый сорт. Уж я-то знаю, сам придумал, в четырнадцать лет начал, с самого низу всю лестницу прошел, каждую ступеньку, как свои пять пальцев... Мистер Буч, конторщик, даст табличку – правила там, штрафы и прочее. Погоди-ка!

И он сделал вид, будто углубился в какие-то пыльные счета, лежавшие под прессом, а Киппс, боясь шевельнуться, благоговейно созерцал сверкающую лысину своего нового повелителя.

– Две тыщи триста сорок семь фунтов, – внятно шептал мистер Шелфорд, притворяясь, будто забыл о Киппсе.

Да, тут делаются большие дела!

Наконец мистер Шелфорд поднялся, вручил Киппсу пресс-папье и чернильницу – просто как символ рабства, ибо оба эти предмета были ему не нужны – я направился в контору, где, едва повернулась ручка двери, все трое служащих лихорадочно застучали костяшками счетов.

– Буч, – окликнул мистер Шелфорд, – экземпляр Правил имеется?

Жалкий, забитый старичок с линейкой в руке и гусиным пером в зубах молча подал хозяину книжонку в полосатом желто-зеленом переплете, почти целиком посвященную, как вскоре понял Киппс, ненасытной системе штрафов. Тут Киппс с ужасом сообразил, что руки у него заняты и все в комнате пялят на него глаза. Не сразу он решился поставить чернильницу на стол, чтобы взять Правила.

– Не годится быть размазней, – сказал мистер Шелфорд, глядя, как Киппс неловко засовывает Правила в карман. – Мямлям у нас не место. Пошли, пошли. – Он подобрал полы сюртука, точно дама юбки, и повел Киппса в магазин.

Киппсу открылась просторная, необъятная зала с бесконечными, сверкающими лаком прилавками и великим множеством безупречно одетых молодых людей и юных гурий, глядящих на него во все глаза.

Вот целый ряд с перчатками, висящими на протянутых над прилавком шнурах, а там – ленты, а еще дальше – пеленки и распашонки. Невысокая девица в черных митенках что-то подсчитывала для покупательницы, но под орлиным взором Шелфорда явно сбилась со счета.

Коренастый, плешивый молодой человек с круглым, очень смышленным лицом, который сосредоточенно расставлял вдоль прилавка пустые стулья, заботливо отставляя один от другого на равные расстояния, оторвался от своего занятия и почтительно выслушал несколько властных, но совершенно ненужных замечаний хозяина. Киппсу было сообщено, что сего молодого человека зовут мистер Баггинс и его надлежит слушаться беспрекословно.

Они повернули за угол, где пахло чем-то совсем незнакомым; то был запах, которому на долгие годы суждено было пропитать жизнь Киппса, – слабый, но отчетливый запах хлопчатобумажной ткани. Толстый носатый человек подскочил (именно подскочил!) при их появлении и принялся сворачивать штуку камчатного полотна, словно машина, которую неожиданно пустили в ход.

– Каршот, вот вам парнишка. Займитесь завтра, – распорядился хозяин. – Чтоб не был размазней. Сделать из него человека.

– Слушаюсь, сэр, – тупо отозвался Каршот, взглянул на Киппса и опять с величайшим усердием принялся сворачивать штуку полотна.

– Что мистер Каршот велит, то и делай, – сказал мистер Шелфорд, проходя дальше; едва они скрылись, Каршот надул щеки и с откровенным облегчением вздохнул.

Они прошли через большую комнату, уставленную какими-то удивительными предметами. Киппс ничего подобного сроду не видывал. Стоит вроде бы женская фигура, но там, где полагалось бы находиться изящной головке, торчит черная деревянная втулка, эти странные фигуры стояли повсюду в самых кокетливых позах, совсем как живые.

– Пошивочная, – объяснил мистер Шелфорд.

Два голоса, спорившие о чем-то («Уверяю вас, мисс Мергл, вы ошибаетесь, вы глубоко ошибаетесь, напрасно вы думаете, что я способна на столь неженственный поступок»), смолкли при их появлении: две молодые дамы, очень высокие и очень красивые, в черных платьях со шлейфами, что-то писали, сидя за столиком. Киппс понял, что должен делать все, что они велят. Разумеется, ему следовало также делать все, что велят Каршот и Буч. И, конечно, Баггинс и мистер Шелфорд. И ничего не забывать и не быть размазней.

Потом они спустились в подвал, именуемый «Складом», и Киппсу померещилось, будто здесь дерутся мальчишки-посыльные. Но кто-то невидимый крикнул «Тедди!» – и мираж рассеялся. Нет, конечно, никакой драки не было. Мальчишки как паковали свертки, так и пакуют и век будут паковать, а драться им и в голову не придет. Но, проходя между рядами этих труженников, даже не поднимавших головы от работы, мистер Шелфорд рявкнул что-то такое, из чего следовало, что мальчишки все-таки дрались... разумеется, когда-то, в незапамятные времена.

Они вернулись в магазин, на сей раз в отдел безделушек и украшений. Шелфорд выпро-
стал руку из-под полы сюртука и указал Киппсу на размещенные сверху коробочки с мелкой
монетой, чтобы легко и удобно было отсчитывать сдачу. Он пустился в сложные подсчеты,
дабы показать, сколько минут удалось таким образом сэкономить в год, и сбился со счета.

– Семь тыщ восемьсот семьдесят девять... так, что ль? Не то семьсот восемьдесят девять?
Ну, ну! Чего молчишь? В твои годы я мигом в уме подсчитывал какую хочешь сумму. Ладно,
мы тебя живо натаскаем. Сделаем работягу. В общем, уж поверь на слово, экономит нам немало
фунтов в год, немало фунтов. Система! Система во всем. Расторопность. – Он никак не мог
остановиться. – Расторопность, – опять и опять бормотал он. – Система.

Они вышли во двор, и мистер Шелфорд широким движением указал в сторону трех фур-
гонов, развозящих покупки по домам, – фургоны тоже были выкрашены в желтую и зеленую
полоску.

– Чтоб все одинаковое... зеленое и желтое... Система!

На всех помещениях висели таблички с нелепыми надписями: «Эта дверь запирается
после 7.30. Приказ Эдвина Шелфорда» – и другие в этом же роде.

Мистер Шелфорд всегда писал «приказ Эдвина Шелфорда» вместо того, чтобы просто
поставить свою подпись, хотя в этом не было решительно никакого смысла. Он был из тех, к
кому всякая казенщина липнет, точно грязь к навозному жуку. Он был не просто невежда, но
даже со своим родным языком и то не мог совладать. Если он, например, хотел предложить
покупателю миткаль по шести с половиной пенсов за ярд, он говорил:

– Могу сделать один шестиполовинный, если желаете, – и этой бессмыслицей, разуме-
ется, только отпугивал покупателей... Ему казалось, что такая хитрая манера говорить и есть
основа деловитости. Он как мог сокращал и слова; ему казалось, что он станет посмешищем
всей Вудстрит, если нечаянно скажет «дюжина носков» вместо «дюж. носок». Но если в одних
случаях он бывал сверх меры краток, то в других страдал излишним многословием, он под-
писывал заказ не иначе, как «с величайшим удовольствием», отсылал отрез не иначе, как с
«почтительнейшей просьбой принять». Он никогда не выговаривал себе кредит на столько-
то месяцев, но тянул с уплатой как только мог. В своих сношениях с Лондоном он сокра-
щал далеко не только слова. При оплате оптовых заказов его Система неизменно допускала
ошибку – недоплату одного-двух пенни; когда, выписывая чек, опустишь какой-то там пенни,
это лишь облегчает расчеты, утверждал он. Его старший счетовод был так пленен этой сторо-
ной Системы, что завел свою собственную, в свою собственную пользу, о существовании кото-
рой Шелфорд так никогда и не узнал.

Сей превосходный коммерсант безмерно гордился своим редкостным умением писать
заказы лондонским фирмам.

– Ха-ха, может, воображаешь, что когда-нито наловчишься писать лондонские заказы? –
самодовольно вопрошал он. Магазин уже давно закрыли, и Киппс нетерпеливо дожидался,
когда же наконец можно будет отнести на почту эти шедевры коммерческого гения и завер-
шить таким образом нескончаемо долгий день. Он мечтал лишь о том, чтобы мистер Шелфорд
поскорей кончал свою писанину, и вместо ответа только головой помотал.

– Ну вот, к примеру. Я написал... видишь? В 1 куске бум. черн. эласт. $\frac{1}{2}$. Что означает
дробь? Не знаешь?

Киппс понятия об этом не имел.

– И дальше: Сему 2 шел. сетки согл. прилаг. образцу. Ну?

– Не знаю, сэр.

Мистер Шелфорд был не любитель объяснять.

– Ну и ну! Хоть бы в школе малость обучили коммерции. Заместо всякой там книжной
чепухи. Так вот, малый, надо быть посмекалистей, не то вовек не выучишься составлять лон-
донские заказы, это уж как пить дать. Налепи-ка марки на письма, да, гляди, поаккуратней.

Тетка с дядей поставили тебя на рельсы, так пользуйся. Коли не воспользуешься таким счастливым случаем, уж и не знаю, что с тобой будет.

И усталый, голодный, заждавшийся Киппс принялся торопливо нашлепывать марки.

– Лишь конверт, а не марку, – распорядился мистер Шелфорд, словно ему было жаль клея. – Пушинка к пушинке, и выйдет перинка, – любил он говорить. И в самом деле, расторопность и бережливость всегда и во всем – вот суть его философии. В политике он исповедовал Реформизм, что, в сущности, ничего не значило, а также Мир и Бережливость, что означало – заставляй каждого работать до седьмого пота; а от городских властей требовал одного – чтобы они «не повышали налоги». Даже религия, по его мнению, предназначалась лишь для того, чтобы сберечь его душу и сделать всех такими же скопидами.

2

Договор, связавший Киппса с мистером Шелфордом, был составлен по старинке и заключал в себе много пунктов; он облакал мистера Шелфорда родительскими правами, запрещал Киппсу играть в кости и прочие азартные игры и на долгие семь лет самого критического возраста вверял его душу и тело заботам мистера Шелфорда. Взамен давалось весьма туманное обязательство обучить подопечного искусству и тайнам торговли; но поскольку за невыполнение этого обязательства не грозила никакая кара, мистер Шелфорд, человек трезвый и практический, считал, что сей пункт не больше как пустые слова, и все семь лет не покладая рук старался выжать из Киппса как можно больше, а вложить в него как можно меньше.

Вкладывал он главным образом хлеб с маргарином, настой цикория и третьесортного чая, мороженое мясо самой низкой упитанности (цена – три пенса за фунт), картофель, поставляемый мешками, без отбора, пиво, разбавленное водой. Впрочем, когда Киппс желал сварить что-либо купленное на свои деньги, ибо он рос и этого скудного питания ему не хватало, мистер Шелфорд великодушно позволял ему бесплатно воспользоваться плитой, разумеется, если в это время в ней еще не угас огонь. Киппсу позволялось также делить комнату с восемью другими юнцами и спать в постели, в которой, кроме разве уж очень холодных ночей, неизбалованному человеку можно было согреться и уснуть, если накрыться собственным пальто, всем запасным бельишком и несколькими газетами. К тому же Киппса ознакомили с целой системой штрафов, обучили перевязывать свертки с покупками, показали, где хранятся какие товары, как держать руки на прилавке и произносить фразы вроде: «Чем могу служить?», «Помилуйте, нам это одно удовольствие», – наматывать на болванки, свертывать и отмерять ткани всех сортов, приподнимать шляпу, повстречав мистера Шелфорда на улице, и безропотно повиноваться множеству людей, выше него стоящих. Но его, разумеется, не выучили распознавать истинную стоимость товара разных марок, который он продает, и не объяснили, как и где этот товар выгоднее покупать. Не ознакомили его и с укладом жизни, с обычаями того сословия, представителей которого обслуживал магазин. Киппс не понимал назначения половины товаров, которые продавались у него на глазах и которые он вскоре сам стал предлагать покупателям. Ткани драпировочные – кретон, вощенный ситец и прочее; салфетки и иное сверкающее накрахмаленное столовое белье, употребляемое в солидных домах; нарядные плательные ткани, материи для подкладок, корсажей; все они, все до единой, были для него просто штуки материй, большие тяжелые рулоны, с ними трудно управляться, их надо без конца разворачивать, сворачивать, отрезать, они превращаются в аккуратные свертки и исчезают в таинственном счастливом мире, где обитает Покупатель. Разложив по местам тяжелые, как свинец, кипы полотняных скатертей, Киппс спешил в освещенный газовым рожком подвал, наскоро ужинал за столом без всякой скатерти, а ложась в постель, укрывался своим пальто, сменой белья и тремя газетами и во сне расчесывал пушистый ворс бесчисленных одеял, – все это по крайней мере давало ему случай постичь основы философии. За все эти блага он платил тяжким тру-

дом – валился в постель усталый до изнеможения, со стертыми ногами. Вставал он в половине седьмого и до восьми часов, неумытый, без рубашки, в старых штанах, обмотав шею шарфом, отчаянно зевая, стирал пыль с ящиков, снимал обертки с кусков ткани и протирали окна. Потом за полчаса приводил себя в порядок и съедал скудный завтрак, состоящий из хлеба, маргарина и напитка, который лишь живущий в метрополии англичанин может счесть за кофе; подкрепившись таким образом, он поднимался в магазин и приступал к дневным трудам.

Обычно день начинался с торопливой беготни взад и вперед с дощечками, ящиками и разными товарами для Каршота, который украшал витрины и, как бы Киппс ни старался, бранил его не переставая, ибо страдал хроническим несварением желудка. Время от времени приходилось заново наряжать витрину готового платья, и тогда Киппс, спотыкаясь, тащил из пошивочной через весь магазин деревянных дам, крепко, хотя и несколько смущенно подхватив их под деревянные коленки. Если же не надо было украшать витрины, он без роздыха таскал и громоздил на полки штуки и кипы мануфактуры. За этим следовала самая трудная, поначалу просто отчаянно трудная работа: некоторые сорта тканей поступали в магазины сложенными, и их надо было намотать на болванки, чему они всячески противились, во всяком случае, в руках Киппса; а другие ткани, присланные оптовиками на болванках, следовало перемерить и сложить – для юных учеников не было работы ненавистней. И ведь всего этого тяжелого труда вполне можно было избежать, если бы не то обстоятельство, что сия чрезвычайно «тонкая» работа обходится дешево, а наш мир дальше собственного носа ничего не видит. Потом надо было разложить новые товары, запаковать их, что Каршот проделывал с ловкостью фокусника, а Киппс – как мальчишка, которому это дело не по душе, а что по душе – он и сам не знает. И все это время Каршот шпынял его и придирался к каждому шагу.

В выражениях, весьма своеобразных и цветистых, Каршот зывал к своим внутренностям, но утонченность нашего времени и советы друзей заставили меня заменить цветы его красноречия жалкой подделкой.

– Лопни мое сердце и печенька! Отродясь не видал такого мальчишки, – вот как условно передам я любимое выражение Каршота. И даже если покупатель стоял совсем рядом, натренированное ухо Киппса опять и опять улавливало в неразборчивом бормотании Каршота знакомое: ...ну, скажем, «Лопни мое сердце и печенька!».

Но вот наступал блаженный час, когда Киппса отсылали из магазина с поручениями. Чаще всего требовалось подобрать для пошивочной мастерской пуговицы, резинки, подкладку и прочее взамен оказавшихся негодными. Ему вручали письменный заказ с приколотыми к нему образчиками и выпускали на заманчивую солнечную улицу. И вот до той минуты, пока он не сочтет за благо вернуться и выслушать выговор за нерасторопность, он свободный человек, и никто не вправе его ни в чем упрекнуть!

Он совершал поразительные открытия по части топографии; оказалось, например, что самый удобный путь от заведения мистера Адольфуса Дейвиса к заведению фирмы Кламмер, Роддис и Терел, куда его посылали чаще всего, не вниз по улице Сандгейт, как все думают, а в обратную сторону, вокруг Западной террасы по набережной, где можно поглядеть, как поднимется и опустится фуникулер – дважды, не больше, а то на это уйдет слишком много времени, – потом можно вернуться по набережной, немного постоять и поглазеть на гавань, а потом вокруг церкви, на Черч-стрит (уже поторапливаясь) и прямо на Рандеву-стрит. В самые теплые и погожие дни его путь лежал через Рэднорский парк к пруду, где малыши пускали кораблики и можно было поглядеть на лебедей.

А потом он возвращался в магазин, где все были поглощены служением Покупателю. И его приставляли к кому-нибудь из тех, кто служил Покупателю, и он снова бегал по магазину с пакетами и счетами, всякий раз снимал с прилавка все, что не понравилось разборчивому Покупателю, до ломоты в руках поддерживал драпировки, чтоб видней было все тому же Покупателю. Но труднее всего было ничего не делать, когда не оказывалось работы, и при этом не

глазеть на покупателей, чтобы, не дай бог, не докучать им своими взглядами. Он погружался в пучину скуки или уносился мыслями далеко-далеко: сокрушал врагов отечества либо отважно вел сказочный корабль по неведомым морям и океанам. Но грубый начальственный окрик возвращал его на нашу высокоцивилизованную землю.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.